

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-513-524

Право на публичные акции и свободу слова как факторы обеспечения мандата народного доверия к федеральной власти

Гуторова А.Н.

Юго-Западный государственный университет,
Россия, 305040, г. Курск, 50-лет Октября, д. 94

allagutorova@mail.ru

Аннотация. Конституционный законодатель правомерно противопоставляет организацию публичных мероприятий вне надлежащей организации и мероприятия организованные. Народное доверие к федеральной публичной власти не может быть основано исключительно на бесконфликтном взаимодействии и сотрудничестве. Митинги, демонстрации и иные публичные акции одновременно подтверждают и опровергают народное доверие. В этой связи актуализируется рассмотрение порядка проведения публичных акций, возможностей запрета их проведения и влияния на ограничение прав и свобод человека. Целью настоящей работы состоит в исследовании на основе анализа правовых и доктринальных источников содержания субъективного права на публичные акции и свободу слова в качестве фактора обеспечения мандата народного доверия к федеральной власти. Заявленная цель опосредовала применение как общенаучных методов (диалектический, логический), так и специальных методов (аксиологический и формально-юридический). Сделаны выводы о необходимости изменить механизм проведения публичных акций для легальных политических партий в силу того, что они пользуются поддержкой населения; ввести в чрезвычайных и экстраординарных условиях ряд временных ограничений политических прав и свобод граждан, что не исключает полностью возможность выражения доверия общества к государству, но сокращает формат и полноту их политико-правового взаимодействия.

Ключевые слова: мандат народного доверия, публичная власть, митинг, демонстрация, протесты, оппозиция, права и свободы человека, выборные органы, конституционный суд, судебная защита

Финансирование: публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания № 085102020-0033 «Трансформация частного и публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства».

Для цитирования: Гуторова А.Н. 2024. Право на публичные акции и свободу слова как факторы обеспечения мандата народного доверия к федеральной власти. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 49(3): 513–524. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-513-524

Public Actions and Freedom of Speech in the Mechanism of Ensuring Public Trust

Alla N. Gutorova

Southwest State University
94 50 Let Oktyabrya St, Kursk 305040, Russian Federation

allagutorova@mail.ru

Abstract. The constitutional legislator legitimately opposes the organisation of public events outside the proper arrangement to those organised properly. People's trust in the federal public authority cannot be based solely on conflict-free interaction and cooperation. Rallies, demonstrations and other public actions

confirm and refute the people's trust at the same time. In this regard, consideration of the procedure for holding public actions, the possibility of banning them and the impact on the restriction of human rights and freedoms is being updated. The purpose of this work is to study the content of the subjective right to public action and freedom of speech as a factor of ensuring the mandate of public confidence in the federal government. For this purpose, legal and doctrinal sources were analysed. The stated goal mediated the use of both general scientific methods (dialectical and logical ones) and special methods (axiological and formal legal ones). As a result, conclusions were drawn about the need to change the mechanism of holding public actions for legal political parties due to the fact that they enjoy the support of the population; to introduce a number of temporary restrictions on the political rights and freedoms of citizens in extraordinary and temporary conditions, which does not completely exclude the possibility of expressing public confidence in the state, but reduces the format and completeness of their political and legal interaction.

Keywords: mandate of the people's trust, public authority, rally, demonstration, protests, opposition, human rights and freedoms, elected bodies, constitutional court, judicial protection

Funding: The study was carried out within the framework of the state task “Transformation of private and public law in conditions of evolving personality, society and the state” (No. 085102020 – 0033).

For citation: Gutorova A.N. 2024. Public Actions and Freedom of Speech in the Mechanism of Ensuring Public Trust. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 513–524 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-513-524

Введение

Демократический мандат народного доверия на федеральном уровне публичной власти нуждается в адекватных процессуальных и организационно-обеспечительных механизмах. Актуальность в связи с этим приобретает конституционно-правовое и административно-правовое регулирование организации и проведения митингов и демонстраций, шествий и пикетирования¹. Данные публичные акции могут иметь весьма локальный характер, однако при определенных обстоятельствах приобретать общероссийский масштаб. Здесь имеют значение как минимум два ключевых фактора: во-первых, одобряющая либо протестная активность в крупных городах (главным образом в городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге), во-вторых, степень массовости в других субъектах России.

Полагаем, что конституционный законодатель при регулировании порядка организации публичных акций должен исходить из необходимости поиска разумного баланса между с одной стороны, недопустимостью хаотичных и неконтролируемых властями массовых действий с другой, – конституционными гарантиями недопустимости полного запрета на митинги, демонстрации, шествия и пикетирование. Соответствующую правовую позицию неоднократно формулировал² Конституционный Суд РФ в своей правоприменительной практике.

Исходя из приведенных практических аргументов, актуализируется рассмотрение порядка проведения публичных акций, возможностей запрета их проведения и влияния на ограничение прав и свобод человека. В этой связи целью настоящей работы является исследование на основе анализа правовых и доктринальных источников содержания субъективного права на публичные акции и свободу слова в качестве фактора обеспечения мандата народного доверия к федеральной власти.

¹ Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». СЗ РФ. 2004. № 25. Ст. 2485.

² См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 01.11.2019 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 6 статьи 5 Закона Республики Коми "О некоторых вопросах проведения публичных мероприятий в Республике Коми" в связи с жалобами граждан М.С. Седовой и В.П. Терешонковой» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 6.

Легальные политические партии

В юридической литературе верно отмечено, что митинги, демонстрации, шествия и пикетирование в течение последних лет приобрели признаки одновременно конституционно-правового и административно-правового институтов [Астафичев, 2019]. Публичные акции запрещено проводить совершенно свободно, без предварительного уведомления уполномоченных органов публичной власти в субъектах РФ и муниципальных образованиях. Однако если организатор публичного мероприятия выполняет все установленные административным законом требования, такая публичная акция не может рассматриваться как нарушающая закон.

Если вопрос о доверии к конкретным действиям или бездействию федеральных властей актуализируется в промежутке между очередными избирательными циклами, пожалуй, наиболее эффективной формой для массового выражения общественного мнения являются публичные акции [Сивопляс, 1993, с. 7]. При этом конституционному законодателю, на наш взгляд, следует более активно и последовательно различать легальные и нелегальные формы политической оппозиции [Крусс, 2021, с. 37]. Политическая оппозиция в современной России легализована как минимум в отношении парламентских политических партий, которые имеют представительство и соответствующие фракции в Государственной Думе. Партийно-фракционная система по результатам последних выборов в нижнюю палату Федерального Собрания представляет весьма разветвленную структуру, включающую пять альтернативных политических направлений. Кроме того, в России зарегистрированы и действуют федеральные политические партии, которые не проявили в своей деятельности каких-либо противоправных деяний, однако в силу недостаточной электоральной поддержки не реализовали свое право на представительство в Государственной Думе. Данные политические организации имеют право на легальную, конституционно поддерживаемую и гарантируемую оппозицию политической партии, которая считается правящей ввиду наличия соответствующих замещенных мандатов в нижней палате парламента [Панов, Сулимов, 2021, с. 516].

Полагаем, что при прочих равных условиях легальные политические партии (правящая при большинстве мандатов и оппозиционные при меньшинстве или их отсутствии, но при зарегистрированном статусе политической партии) обладают достаточным правом на организацию публичных митингов, демонстраций, шествий и пикетирования. На основании вышеизложенного предлагаем согласование с публичными властями субъектов РФ и муниципальных образований в таких случаях сделать строго уведомительным, а не разрешительным. Публичные акции такого рода являются одновременно поддерживающими доверие и опровергающими его, поскольку каждая легальная политическая партия рационально стремится к обеспечению доверия именно ее политической платформы, которая не всегда и не во всем совпадает с платформами других законных политических организаций [Сергеев, Кузьмина, 2020].

Конституционный законодатель правомерно противопоставляет организацию публичных мероприятий вне надлежащей организации (хаотичные митинги, демонстрации, шествия и пикетирование) и мероприятия организованные, но субъектами политических отношений, которые не подпадают под категорию «легальных» с конституционно-правовой точки зрения. В их числе – запрещенные в России экстремистские, террористические и другие противоправные организации. Полагаем, что соответствующие конституционные запреты в целом являются допустимыми в демократическом обществе и правовом государстве. Вполне возможна постановка на законодательном уровне вопроса о том, чтобы установить исключительное право политических партий на организацию общероссийских и массовых митингов, демонстраций, шествий и пикетирований, что, однако, не должно затрагивать право субъектов РФ и местных сообществ муниципальных образований на соответствующие

публичные акции, цели которых являются локальными и не затрагивают проблем общенациональной политики [Горюшина, Поцелуев, 2019, с. 81].

Высказанное нами законодательное предположение затрагивает важный, на наш взгляд, вопрос о «лояльных» к действующей власти публичных мероприятиях. Подобные акции проводятся сравнительно часто с целью продемонстрировать доверие граждан к текущим действиям государства, их одобрение проводимой политики, поддержку имеющегося политического курса. Если организатором данного публичного мероприятия выступает правящая партия, которая обладает численным большинством мандатов в Государственной Думе, – наблюдается надлежащее отделение партий от государства и его аппарата, при котором органы публичной власти (состоящие из представителей разных партий и фракций) напрямую не вмешиваются в публично-агитационный процесс. Если же официальным организатором публичного мероприятия был бы государственный орган или орган местного самоуправления, – налицо не только формальное, но и сущностное отступление от требований действующего законодательства. Это служит дополнительным аргументом в обоснование предложенной нами модели правового регулирования, при которой право организации всероссийских массовых акций принадлежит исключительно политическим партиям, которые являются легальными, зарегистрированы министерством юстиции и не осуществляют противоправной деятельности, в том числе террористического или экстремистского характера.

Доверие граждан к институтам и персоналиям федеральной публичной власти не может быть основано исключительно на бесконфликтном взаимодействии и сотрудничестве. Массовые манифестации действительно представляют определенную угрозу безопасности граждан, однако угрозы национальной и государственной безопасности в данном случае, по нашему мнению, не следует преувеличивать. Нужно учитывать, что государство не может быть создано и не может быть разрушено ни одним из поколений людей. Государственная форма политического взаимодействия настолько прочно вошла в жизнь современного общества, что исключить ее попросту невозможно. Онтологической основой современного государства является народный суверенитет, который нуждается в адекватных формах выражения и реализации. В свою очередь, государственный аппарат в лице уполномоченных государственных органов свойством суверенитета не обладает. Государство и государственный аппарат – не одно и то же. Если в функционировании государства наблюдаются болезненные процессы, – они должны находить выражение в соответствующих конституционно-правовых формах прямой и представительной, императивной и консультативной демократии.

Временные ограничения политических прав и свобод граждан

Данные рассуждения касаются главным образом мирной жизни и предполагают обычный ход развития и совершенствования общественных отношений. Несколько иначе выглядит проблема обеспечения доверия народа к федеральной власти при чрезвычайных и военных обстоятельствах. В Конституции РФ указывается на два возможных правовых режима, при которых допускается законное ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина – чрезвычайное¹ и военное² положения. В отношении этих правовых режимов имеется подробная и методологически выверенная нормативно-правовая база, однако на практике государственные органы предпочитают ее не применять. Во всяком случае, в период обострения пандемии covid-19 федеральная государственная власть воздержалась от введения чрезвычайного положения,

¹ Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» с послед. изм. СЗ РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.

² Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» с послед. изм. СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 375.

не вводилось военное положение и в современных политико-правовых обстоятельствах вплоть до октября 2022 года¹. Однако экстраординарность условий и обстоятельств *объективно требуют ряда временных ограничений политических прав и свобод граждан*, что не исключает полностью возможность выражения доверия общества к государству, но сокращает формат и полноту их политико-правового взаимодействия.

При чрезвычайных и экстраординарных обстоятельствах федеральная власть «как бы берет кредит народного доверия» [Сизиков, 2016, с. 182], который обращен к будущему, когда чрезвычайные и экстраординарные обстоятельства с неизбежностью отпадут вследствие нормализации обстановки и общественных отношений. Это не означает, что конституционные политические права и свободы полностью прекращают свое действие. Однако даже незначительные на первый взгляд ограничения в свободе выражения политического мнения в СМИ дают существенный синергетический эффект [Лойт, Бялт, 2020, с. 45]. Свободное общество, которое сформировало длительную традицию возможности и юридической допустимости политической дискуссии в СМИ, вследствие чрезвычайности обстоятельств вынуждается к государственной монополизации потока политико-информационных ресурсов. Данное состояние возможно и даже необходимо в чрезвычайных условиях, но оно выглядит социально вредным в ситуации обычной, не стесненной особыми обстоятельствами жизнедеятельности общества.

При чрезвычайных обстоятельствах (например, при аварийно-спасательных работах) от федеральной власти требуются быстрота и эффективность. Именно этим фактором главным образом обеспечивается доверие граждан. Граждане при чрезвычайных обстоятельствах быстро утрачивают доверие к власти, если последняя проявляет медлительность, излишнюю осторожность, ищет социальные компромиссы и т. п. Здесь требуется минимизация конфликтов, их максимальное отсечение от сферы публичного управления. Наиболее точный термин для выражения этого – «мобилизация ресурсов» [Климов, 2000, с. 74], если данное понятие толковать в широком (не только в военном)² смысле. Доверие граждан к федеральной власти при чрезвычайных обстоятельствах гарантируется способностью к мобилизации ресурсов и эффективной деятельности, основная цель которых – максимально быстрым и наиболее полным образом ликвидировать чрезвычайный фактор и вернуть политико-правовую жизнь в нормальное русло, где основой народного доверия служат обычные конституционно-правовые механизмы выборов, референдумов, публичных манифестаций, петиций и плюралистической дискуссии в СМИ.

Современное государство и общество являются весьма конфликтогенными вследствие сложности их организации и структуры. Конфликт – это состояние, которое наступает вследствие взаимоисключающего поведения. Сами по себе социальные конфликты являются естественным спутником регулируемых правом общественных отношений. Чтобы обеспечить демократический мандат народного доверия, законодатель стремится к рационализации социальных конфликтов, выработке приемлемых механизмов их разрешения. В их числе – предвыборные заявления кандидатов на выборах, встречи депутатов с избирателями, мониторинг общественного мнения, постоянная корректировка публичной политики, судебное разбирательство споров независимым и беспристрастным судом. Граждане доверяют публичной власти не потому, что она способна исключить социальные конфликты, но вследствие ее потенциальных возможностей для эффективного разрешения данных конфликтов [Данкин, 2017, с. 49]. Если социальные конфликты не

¹ Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей». Российская газета. 2022, 20 октября.

² Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации». СЗ РФ. 2022. № 39. Ст. 6590.

перерастают в массовые, стихийные и неконтролируемые властью процессы, – общество доверяет власти, поскольку она выполняет одну из своих *основных функций*, направленных на *гарантии безопасности общества* [Лашкевич, 2010, с. 70].

Однако демократический мандат народного доверия в условиях конституционного государства и общества не ограничивается целью обеспечения одной лишь государственной безопасности. Это – необходимое, но не достаточное правовое требование. Если государство позиционирует себя в качестве конституционного и правового, необходимы особые гарантии достоинства личности, гуманизма и человечности, что предполагает признание, уважение и эффективную защиту индивидуальных прав и свобод человека и гражданина, которые закреплены в главе 2 Конституции РФ [Тонков, Пожарова, Захаров, 2018, с. 545]. Общество полноценно доверяет федеральной власти тогда, когда права и законные интересы каждого из индивидов эффективно защищены от произвола и несанкционированного вмешательства других лиц, включая само государство. Права и свободы человека и гражданина – естественные, непосредственно действующие и неотчуждаемые, они объясняют и раскрывают основной смысл деятельности федеральных государственных органов. Это не ведет к «атомизации» общества; напротив, данный конституционный институт объединяет общество и в известной степени создает общество и поддерживает его демократическое существование.

Здесь в определенной мере проявляются социальные опасения перед несходством мнений и конфликтом интересов. Права и свободы человека и гражданина в современной России пока еще не воспринимаются как институт, который поддерживает потребности и интересы именно граждан, которые нередко отличаются от позиции властей и интересов тех или иных государственных органов. Конституционный институт прав человека – это не проявление анархии, но в то же время – это и средство сдерживания властей, ограничения их полномочий, связанности публичной власти законом и правом [Червонюк, Забавка, 2021, с. 40].

Сакрализация деятельности государственного аппарата [Баиров, 2020, с. 108], на наш взгляд, не вполне совместима с конституционной концепцией прав человека. Иерархическую структуру государственных органов конституционализм уравнивает признанием равенства всех граждан в их достоинстве и правах. Таким образом институт доверия граждан к публичной власти из общественно-коллективной плоскости трансформируется в область персонального и индивидуального. Если каждый гражданин ощущает, что лично его права и свободы гарантированы и эффективно защищены, то он доверяет публичной власти. Общее доверие гражданского общества складывается из частных показателей доверия каждого гражданина. Кроме того, безусловно, существуют и факторы коллективного доверия [Абумуслимов, Арсланбекова, 2021, с. 6]: это доверие общественных объединений, профессиональных союзов, политических партий, бизнеса, труда, капитала, предпринимателей, пенсионеров, женщин, детей, молодежи и т. д. Нельзя исключать и доверие коллективного электората, которое в наиболее справедливой степени выражается благодаря использованию пропорциональной избирательной системы (право на представительство в парламенте получают не только крупные, но и небольшие партии, которые имеют возможность блокирования в парламенте для формирования конструктивной, легальной и законной оппозиции).

Конституционный институт прав и свобод человека и гражданина в отношении механизма обеспечения демократического мандата народного доверия имеет ряд неблагоприятных побочных эффектов. В их числе – внешне видимый рост социальной неудовлетворенности. В монолитном, тоталитарном или авторитарном обществе такого рода социальные конфликты «спрятаны» за ширмой внешнего социально-политического благополучия. Многие поколения россиян могли это наблюдать в брежневском СССР,

когда проводились периодические съезды КПСС, на которых никто никогда не спорил, не голосовал за альтернативные точки зрения, не предлагал альтернативные проекты. Основным смыслом съездов КПСС заключался в сугубо *внешней демонстрации* наличия *полного народного доверия* [Волгин, 2019].

Превентивное конституционное правосудие

В современной России ситуация иная – депутаты Государственной Думы и сенаторы Российской Федерации рассуждают, дискутируют, предлагают альтернативные законопроекты, вносят поправки, отклоняют или одобряют предложения субъектов права законодательной инициативы [Худобко, 2006]. Граждане все чаще обращаются в целях защиты своих прав и законных интересов в судебные инстанции. Сам по себе факт весьма частого обращения граждан в Конституционный Суд РФ с конституционными жалобами с точки зрения проблемы доверия общества к федеральной власти можно истолковать двояким образом.

С одной стороны, сравнительно частое обращение граждан в Конституционный Суд РФ и соразмерное этому удовлетворение ходатайств заявителей свидетельствует об эффективности правозащитного механизма современной России, поскольку конституционное правосудие главным образом удовлетворяет заявленные конституционные жалобы граждан¹. Тем самым повышается доверие людей к государственно-правовой системе и действиям государства. С другой стороны, этот же факт можно истолковать как препятствующий позитивной оценке деятельности полиции, следствия, прокуратуры и судов общей и арбитражной юрисдикции, чьи действия фактически граждане и обжалуют в Конституционном Суде РФ. Данное обстоятельство свидетельствует о снижении доверия гражданского общества к федеральной правоохранительной системе [Мордвинов, 2021, с. 134].

В силу особенностей компетенции российского конституционного правосудия речь может идти также о снижении доверия граждан к парламенту, потому что именно Государственная Дума и Совет Федерации принимают законодательные акты, которые противоречат Конституции РФ или в силу своей правовой неопределенности порождают неконституционную правоприменительную практику. Нет сомнений в том, что деятельность Конституционного Суда РФ в современных условиях способствует повышению доверия граждан к федеральной власти (в этом Суде «можно найти правду», благодаря данному Суду «есть средство обеспечения справедливости» и т.п.). Но по каким причинам другие звенья государственного аппарата не обеспечивают заблаговременно это доверие?

Полагаем, что задача осуществления *превентивного конституционного правосудия* возлагается на парламент и правоохранительную систему в не меньшей степени, чем на Конституционный Суд РФ, являющийся здесь лишь окончательной (но не единственной) инстанцией. Суд общей юрисдикции или арбитражный суд в случае сомнения в конституционности применяемого закона обязан приостановить производство по делу и направить соответствующий запрос в Конституционный Суд РФ. Парламент несет публично-правовую обязанность законодательного регулирования общественных отношений в строгом соответствии с принципами и нормами Конституции РФ. Заведомая неконституционность правового регулирования – это противоправная деятельность,

¹ См., например: постановления Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Подакова». СЗ РФ. 2022. № 30. Ст. 5692; от 05.07.2022 № 28-П «По делу о проверке конституционности части 3.1 статьи 147 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Руденко». СЗ РФ. 2022. № 28. Ст. 5199; от 16.06.2022 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Мамичева». СЗ РФ. 2022. № 26. Ст. 4584.

которая должна быть по возможности полностью исключена [Калиш, 2021, с. 125]. Полагаем, что учет данного фактора мог бы способствовать дальнейшему совершенствованию механизма обеспечения народного доверия на федеральном уровне публичной власти.

Структура федерального государственного аппарата весьма неоднородна и довольно сложна. Вслед за этим дифференцируются и механизмы обеспечения доверия граждан. В частности, можно выделить административно-военную подсистему, где главенствующую роль играют приказы и беспрекословное повиновение, а также политическую и юридическую сферы, в которых преобладают методы убеждения и соразмерная этому публично-правовая риторика. Способность федеральных органов публичной власти убеждать общество в необходимости тех или иных конституционно-правовых мер, вне сомнения, является важным показателем обеспечения надлежащего доверия власти и общества. Политические деятели и юристы гарантируют доверие общества своими речами, высказываниями, выводами, мыслями и их аргументацией. Данная сфера в наименьшей степени подвержена правовому регулированию и составляет область главным образом нравственности и политической культуры. Однако конституционное право и здесь имеет определенный инструментарий, который может использоваться для эффективного воздействия на соответствующие процессы и явления.

Основной метод здесь – конституционное признание свободы мысли и слова при одновременном введении правоограничительных мер на конституционном и законодательном уровнях. Конституционный Суд РФ в своих решениях многократно заявлял и подтверждал правовую позицию о том, что абсолютных прав и свобод человека и гражданина, как правило, не существует; большинство из них, могут подвергаться правоограничительному воздействию. Поэтому смысл того или иного субъективного конституционного права заключается не в том, чтобы полностью исключить какие-либо правоограничения, но добиться того, чтобы ограничения были соразмерными и не ставили под сомнение саму суть данного субъективного конституционного права.

Применительно к содержанию конституционной свободы мысли и слова подчеркнем, что это – едва ли не самое «ограничиваемое» конституционное право. Об этом свидетельствуют нормы ст. 29 Конституции РФ: в ее части 2 мы уже обнаруживаем правоограничения (запрещена пропаганда и агитация, которая возбуждает ненависть и вражду; не является допустимой также пропаганда превосходства). В качестве критериев «возбуждения ненависти и вражды» Конституция РФ устанавливает «социальный», «расовый», «национальный» и «религиозный» факторы; применительно к «превосходству» – обстоятельства «социального», «расового», «национального», «религиозного» и «языкового» характера.

Исходя из буквального смысла толкуемой нормы, можно сделать предположение, что Конституция РФ не запрещает (хотя и не разрешает) «возбуждение ненависти и вражды» по языковому признаку, но исключает пропаганду превосходства какого-либо одного языка над другим. Однако в действительности, на наш взгляд, конституционный законодатель не имел это в виду. Пропагандистско-агитационная риторика в стиле возбуждения ненависти, вражды и превосходства по социальным, расовым, национальным, религиозным и языковым признакам – это конституционно-противоправное деяние, которое может служить средством обеспечения лишь *ложного* «доверия» власти и общества [Тогузаева, 2013, с. 112]. Такое «квазидоверие», на наш взгляд, не подлежит позитивному истолкованию в конституционно-правовом смысле [Власов, 2011, с. 79].

Свобода мысли и слова в современной России дополнительно к конституционному регулированию ограничивается рядом законодательных актов, принятых в развитие

положений ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. В их числе: Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»¹ (включает в понятие экстремизма запреты, установленные в ст. 29 Конституции РФ, расширяя при этом данную категорию путем установления многих других квалифицирующих признаков – насильственное изменение основ конституционного строя, террористическая деятельность, использование нацистской атрибутики или символики и др.); Федеральный закон «О противодействии терроризму»² (ст. 11 устанавливает правовой режим контртеррористической операции с адекватным ограничением прав и свобод граждан, включая ограничение тайны корреспонденции); Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³ (ст. 10 запрещает пропаганду войны); Закон РФ «О средствах массовой информации»⁴ (в ст. 4 указывает на недопустимость злоупотребления свободой массовой информации) и др. Данные методы ограничения свободы мысли и слова способствуют повышению доверия гражданского общества к публичной власти, исключая из публичной риторики методы и приемы противоправного свойства.

Заключение

На основании изложенного можно сформулировать следующие выводы. Конституционно-правовое регулирование и обеспечение доверия граждан к деятельности федеральных органов публичной власти имеет определенную специфику, что обусловлено государственным суверенитетом России, наличием общенациональных интересов, необходимостью эффективного гарантирования безопасности всего общества и государства. Не только утрата, но и существенное снижение доверия населения в этой области публично-правовых отношений чревато неблагоприятными государственно-правовыми последствиями, включая риски насильственного изменения основ конституционного строя, появления бунтов и беспорядков, развязывания гражданских войн, вооруженных столкновений. В связи с этим важной задачей конституционного права становится обеспечение необходимого баланса конституционных принципов и норм, которые, с одной стороны, должны гарантировать эффективное действие институтов конституционной демократии, с другой, – защищать общество от соответствующих угроз его стабильности, безопасности и развития.

Список литературы

- Абумуслимов Д.А., Арсланбекова С.М. 2021. Некоторые аспекты повышения эффективности институтов гражданского общества. В кн.: Механизм реализации стратегии социально-экономического развития государства: сборник материалов XIII Международной научно-практической конференции, Махачкала, 22–23 сентября 2021 года. Махачкала, Дагестанский государственный технический университет: 6–9.
- Астафичев П.А. 2019. Сочетание конституционно-правового и административно-правового регулирования собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право*, 3: 10–19.
- Баиров А.С. 2020. Сакрализация власти и философия государства Гегеля. *Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России*, 1: 108–112.
- Власов В.И. 2011. Экстремизм как форма пропаганды и проявления национально-религиозной ненависти и вражды. *Вопросы национальных и федеративных отношений*, 1(15): 77–89.

¹ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

² Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму». СЗ РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

⁴ Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации». ВВС РФ. 1992. № 7. Ст. 300.

- Волгин Е.И. 2019. Последний съезд КПСС. *Вестник Московского университета. Серия: Управление (государство и общество)*, 1: 79–97.
- Горюшина Е.М., Поцелуев С.П. 2019. Социальный протест – показатель политической нестабильности или инструмент снижения напряженности? *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология*, 5(71), 1: 81–93.
- Данкин Д.М. 2017. Симметричное доверие – ресурс стратегии развития. *Безопасность Евразии*, 1(53): 49–60.
- Калиш Д.Б. 2021. Специфика трактовки конституционности в Пятой республике во Франции. *Сравнительное конституционное обозрение*, 3: 125–140. DOI: 10.21128/1812-7126-2021-3-125-140.
- Климов И.А. 2000. Национальные интересы – мобилизация ресурса инициативы и ресурса солидарности. *Полис. Политические исследования*, 1: 74–77.
- Крусс В.И. 2021. Конституционный правопорядок и право на протест: «мыльная драма» процессуальной оппозиции. *Конституционное и муниципальное право*, 9: 37–45. DOI: 10.18572/1812-3767-2021-9-37-45.
- Лашкевич В.Л. 2010. Обеспечение безопасности как основная функция государства. *Сибирский международный*, 10: 70–75.
- Лойт Х.Х., Бялт В.С. 2020. Ограничение прав и свобод человека в периоды действия чрезвычайного положения, военного положения и при проведении контртеррористической операции. *Закон. Право. Государство*, 1(25): 45–52.
- Мордвинов К.В. 2021. Повышение доверия общества к правоохранительной системе как актуальная проблема общественной безопасности и правопорядка. В кн.: Петербургские пенитенциарные конференции: материалы конференций в 4 томах, Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 года. Том 3. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет ФСИН России, Т. 3: 134–136.
- Панов П.В., Сулимов К.А. 2021. Партия власти и системная оппозиция в Государственной Думе: конвергенция публичной риторики. *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 13(4): 516–535. DOI: 10.17072/2218-9173-2021-4-516-535.
- Сергеев С.А., Кузьмина С.В. 2020. Новый левый радикализм и популизм в Западной Европе: что нового? *Казанский социально-гуманитарный вестник*, 5: 49–53. DOI: 10.24153/2079-5912-2020-11-5-49-53.
- Сивопляс А.В. 1993. Юридическая природа и механизм реализации свободы манифестаций (собраний, митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирований и других публичных акций): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 21 с.
- Сизиков В.А. 2016. Повышение уровня открытости органов государственной власти – способ оперативно нарастить кредит народного доверия. В кн.: Трансформация социальных отношений в региональном социуме. VI Сухаревские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Саранск, 12 октября 2016 года. Саранск: Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга»: 182–187.
- Тогузаева Е.Н. 2013. Международный опыт закрепления запрета пропаганды и агитации, возбуждающих социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. *Вестник Института законодательства Республики Казахстан*, 3(31): 112–116.
- Тонков Е.Е., Пожарова Л.А., Захаров С.С. 2018. Конституционно-правовые гарантии достоинства личности в созидаемом государстве. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право*, 43(3): 545–552. DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-545-552.
- Худобко Е.В. 2006. Компьютерный анализ дебатов Государственной Думы: альтернативы государственного бюджета России в 1996–1999 гг. *Информационный бюллетень ассоциации История и компьютер*, 34: 83–84.
- Червонюк В.И., Забавка В.И. 2021. Принцип связанности публичной власти правами человека. *Аграрное и земельное право*, 7(199): 40–44. DOI: 10.47643/1815-1329_2021_7_40.

References

- Abumuslimov D.A., Arslanbekova S.M. 2021. Nekotorye aspekty povysheniya effektivnosti institutov grazhdanskogo obshchestva [Some aspects of improving the effectiveness of civil society institutions]. In: Mekhanizm realizatsii strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya gosudarstva: sbornik materialov XIII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Makhachkala, 22–23 sentyabrya 2021 goda [The mechanism of implementation of the strategy of socio-economic development of the state: collection of materials of the XIII International Scientific and Practical Conference, Makhachkala, September 22–23, 2021]. Makhachkala: Dagestanskiy gosudarstvennyy tekhnicheskyy universitet: 6–9.
- Astafichev P.A. 2019. Sochetanie konstitutsionno-pravovogo i administrativno-pravovogo regulirovaniya sobraniy, mitingov i demonstratsiy, shestviy i piketirovaniya [A combination of constitutional and administrative legal regulation of meetings, rallies and demonstrations, marches and picketing]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo*, 3: 10–19.
- Bairov A.S. 2020. The sacralization of the rule and philosophy of the state of G. W. F. Hegel. *Scientific digest of East-Siberian Institute of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation*, 1: 108–112 (in Russian).
- Vlasov V.I. 2011. Extremism as a form of propaganda and display of national and religious hatred and enmity. *Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnosheniy*, 1(15): 77–89 (in Russian).
- Volgin E.I. 2019. Last congress of the CPSU. *Moscow university bulletin. Series 21. Public administration*, 1: 79–97 (in Russian).
- Goryushina E.M., Potseuev S.P. 2019. Social protest – an indicator of political instability or a tool to reduce tension? *Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies*, 5(71), 1: 81–93 (in Russian).
- Dankin D.M. 2017. Simmetrichnoe doverie – resurs strategii razvitiya [Symmetrical trust is a development strategy resource]. *Bezopasnost' Evrazii*, 1(53): 49–60.
- Kalish D.B. 2021. Spetsifika traktovki konstitutsionnosti v Pyatoy respublike vo Frantsii [The specifics of the interpretation of constitutionality in the Fifth Republic in France]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, 3: 125–140. DOI: 10.21128/1812-7126-2021-3-125-140.
- Klimov I.A. 2000. Natsional'nye interesy – mobilizatsiya resursa initsiativy i resursa solidarnosti [National interests – mobilization of an initiative resource and a solidarity resource]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 1: 74–77.
- Kruss V.I. 2021. The constitutional law and order and the right to protest: «soap opera» of the procedural opposition. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, 9: 37–45 (in Russian). DOI: 10.18572/1812-3767-2021-9-37-45.
- Lashkevich V. L. 2010. Obespechenie bezopasnosti kak osnovnaya funktsiya gosudarstva [Ensuring security as the main function of the State]. *Sibirskiy mezhdunarodnyy*, 10: 70–75.
- Loit H.H., Bialt V.S. 2020. Restriction of human and civil rights and freedoms during periods of state of emergency, martial law, and counter-terrorism operations. *Lex. Jus. Civitas*, 1(25): 45–52 (in Russian).
- Mordvinov K.V. 2021. Povyshenie doveriya obshchestva k pravookhranitel'noy sisteme kak aktual'naya problema obshchestvennoy bezopasnosti i pravoporyadka [Increasing public confidence in the law enforcement system as an urgent problem of public safety and law and order]. In: Peterburgskie penitentsiarnye konferentsii: materialy konferentsiy v 4 tomakh, Sankt-Peterburg, 17–18 maya 2021 goda. Tom 3 [St. Petersburg Penitentiary Conferences: conference proceedings in 4 volumes, St. Petersburg, May 17–18, 2021. Vol. 3]. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskiy universitet FSIN Rossii, T. 3: 134–136.
- Panov P.V., Sulimov K.A. 2021. Party of power and systemic opposition in the state дума: toward convergence of public rhetoric. *Ars Administrandi*, 13(4): 516–535 (in Russian). DOI: 10.17072/2218-9173-2021-4-516-535.
- Sergeev S.A., Kuz'mina S.V. 2020. New left radicalism and populism in western europe: what's new? *Kazanskiy sotsial'no-gumanitarnyy vestnik*, 5: 49–53 (In Russian). DOI: 10.24153/2079-5912-2020-11-5-49-53.
- Sivoplyas A.V. 1993. Yuridicheskaya priroda i mekhanizm realizatsii svobody manifestatsiy (sobraniy, mitingov, ulichnykh shestviy, demonstratsiy, piketirovaniy i drugikh publichnykh aktsiy) [The legal nature and mechanism of the realization of freedom of manifestation (assemblies, rallies,

- street processions, demonstrations, picketing and other public actions]): abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law. Ekaterinburg, 21 p.
- Sizikov V.A. 2016. Povyschenie urovnya otkrytosti organov gosudarstvennoy vlasti – sposob operativno narastit' kredit narodnogo doveriya [Increasing the level of openness of public authorities is a way to quickly increase the credit of people's trust]. In: Transformatsiya sotsial'nykh otnosheniy v regional'nom sotsiume. VI Sukharevskie chteniya: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Saransk, 12 oktyabrya 2016 goda [Transformation of social relations in regional society. VI Sukharev readings: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Saransk, October 12, 2016]. Saransk: Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Mordoviya «Nauchnyy tsentr sotsial'no-ekonomicheskogo monitoringa»: 182–187.
- Toguzaeva E.N. 2013. Mezhdunarodnyy opyt zakrepleniya zapreta propagandy i agitatsii, vzbuzhdayushchikh sotsial'nuyu, rasovuyu, natsional'nuyu ili religioznuyu nenavist' i vrazhdu [International experience in consolidating the prohibition of propaganda and agitation that incite social, racial, national or religious hatred and enmity]. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan*, 3(31): 112–116.
- Tonkov E.E., Pozharova L.A., Zakharov S.S. 2018. Constitutional-legal guarantees of the dignity of the individual in the creative state. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*, 43(3): 545–552 (In Russian). DOI 10.18413/2075-4566-2018-43-3-545-552.
- Khudobko E.V. 2006. Komp'yuternyy analiz debatov Gosudarstvennoy Dumy: al'ternativy gosudarstvennogo byudzheta Rossii v 1996–1999 gg. [Computer analysis of the State Duma debates: Alternatives to the Russian State Budget in 1996-1999gg]. *Informatsionnyy byulleten' assotsiatsii Istoriya i komp'yuter*, 34: 83–84.
- Chervonyuk V.I., Zabavka V.I. 2021. The principle of the binding of public power by human rights. *Agrarnoe i zemel'noe pravo*, 7(199): 40–44 (In Russian). DOI: 10.47643/1815-1329_2021_7_40.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 19.04.2024

Поступила после рецензирования 25.05.2024

Принята к публикации 15.06.2024

Received April 19, 2024

Revised May 25, 2024

Accepted June 15, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гуторова Алла Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия.

 [ORCID: 0000-0003-0345-6903](https://orcid.org/0000-0003-0345-6903)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alla N. Gutorova, Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Southwest State University, Kursk, Russian Federation.

 [ORCID: 0000-0003-0345-6903](https://orcid.org/0000-0003-0345-6903)